

Копипаста:Плазмозавр — Lurkmore

Одна из гипотез, претендующих на объяснение случившегося в Антарктиде с людьми, была высказана в 1966 году американским физиком Роем Кристофером. По его мнению, в радиационном поясе Земли обитают некие подобия электрических живых существ — сгустков плазмы. Естественная для таких существ форма — шар. Плазмозавры обитают в пределах радиационного пояса, в основном на высоте 400-800 километров. Именно поэтому исследование их чрезвычайно затруднено, ведь орбитальные станции летают гораздо ниже. К поверхности Земли плазмозавры могут приблизиться лишь в районе магнитных полюсов. По мнению Коршунова (о нём речь пойдёт ниже), своеобразная форма жизни в земных радиационных поясах могла зародиться значительно раньше, чем органическая жизнь на поверхности планеты. Это вполне достаточный срок для развития самых изощренных форм живых существ, Они слишком разрежены, чтобы их можно было увидеть. Приблизившись к поверхности Земли, плазмозавры попадают в очень плотную среду. И сами делаются плотными настолько что становятся видимыми.

Предыстория

Американский полярный исследователь Роберт Пири первым достиг Северного полюса, но с Южным ему не повезло: его опередил норвежец Рональд Амундсен. Пири обнаружил в заветной точке вымпел, оставленный соперником всего за неделю до этого. Обрато он решил возвращаться, не повторяя маршрута Амундсена, — пошёл через область магнитного полюса и погиб. Полвека спустя советская экспедиция, основавшая в Антарктиде станцию Мирный, отправила группу из шести исследователей в глубь континента с целью достичь Южного магнитного полюса, Вернулись лишь двое. По официальной версии, причиной трагедии были жестокая буря, сильнейшие морозы и отказ двигателя у вездехода. Следующей группой исследователей, отправившейся к Южному магнитному полюсу, стала американская — со станции Midway. Было это в 1962 году. Американцы учли печальный опыт советских коллег — оборудование взяли самое совершенное, в экспедиции участвовали 17 человек на трех вездеходах, с ними поддерживалась постоянная радиосвязь. В этой экспедиции никто не погиб. Но вернулись люди в одной машине, на грани помешательства. Всех немедленно эвакуировали на родину, но о том, что произошло в походе, известно до сих пор очень мало: несколько газетных заметок, более сенсационных, нежели информативных, и две статьи в научных журналах. С тех пор к Южному магнитному полюсу экспедиций не предпринималось.

Советский поход

Один из участников советского похода к Южному магнитному полюсу, Юрий Ефремович Коршунов, до недавнего времени жил в Санкт-Петербурге. Одному репортеру удалось разговорить его по поводу случившегося в том давнем походе. Репортер записал рассказ полярника, но опубликовать его так и не сумел. Коршунов тем временем умер. И вот недавно рассказ Юрия Ефремовича, изобилующий невероятными подробностями, появился в американской печати. Приводим его в переводе с английского.

Был полярный день, и почти все время нашего пути стояла прекрасная погода. Термометр показывал всего -30°C, ветра не было — для Антарктиды это редкость. Мы прошли маршрут за три недели, не потеряв ни минуты на ремонт машины. Вообще, все шло слишком хорошо. Первая неприятность произошла, когда мы разбили основной лагерь в точке, соответствовавшей, по всем нашим замерам, Южному магнитному полюсу. Все были вымотаны, поэтому легли спать пораньше, но заснуть не могли. Чувствуя неясное беспокойство, я встал, вышел из палатки и метрах в трехстах от нашего вездехода увидел какой-то светящийся шар! Он подпрыгивал, будто футбольный мяч, только размеры его были раз в сто больше. Я закричал, и все выбежали наружу. Шар перестал подпрыгивать и медленно покатился к нам, на ходу меняя форму и превращаясь в какое-то подобие колбасы. Менялся и цвет — становился темнее, а в передней части «колбасы» начала появляться страшная морда без глаз, но с отверстием, похожим на пасть. Снег под «колбасой» шипел, будто она была раскаленной. Пасть шевелилась, и мне, ей-богу, казалось, что «колбаса» что-то говорит. Фотограф экспедиции Саша Городецкий пошел вперед со своей камерой, хотя старший группы Андрей Скобелев кричал, чтобы он не смел подходить к «колбасе», а ещё лучше, чтобы вообще стоял на месте! Но Саша продолжал идти, щелкая затвором. А эта штука... Она мгновенно опять изменила форму — вытянулась узкой лентой, и вокруг Саши возник светящийся нимб, будто вокруг головы святого. Помню, как он закричал и уронил аппарат... В этот момент раздались два выстрела — стрелял Скобелев и стоявший справа от меня наш врач Рома Кустов... Мне показалось, что стреляли не разрывными пулями, а бомбами — такой был звук. Светящаяся лента вспухла, во все стороны брызнули искры и какие-то короткие молнии, и Саша оказался охваченным как бы опиумом святого Эльма... Я бросился к Саше. Он лежал ничком и... был мертв! Затылок, ладони и, как потом оказалось, вся спина словно обуглились, полярный спецкостюм превратился в лохмотья. Мы попытались связаться по радио с нашей станцией Мирный, но из этого ничего не вышло, в эфире творились нечто невообразимое — сплошной свист и рычание. Никогда мне не приходилось встречать такую дикую магнитную бурю! Она продолжалась все трое суток, которые мы провели на полюсе. Фотокамера оказалась расплавленной, будто от прямого попадания молнии. Снег и лёд — там, где

проползла лента, — испарились, образовав колею глубиной в полметра и шириной метра два. Мы похоронили Сашу на полюсе. Через двое суток погибли Кустов и Борисов, затем — Андрей Скобелев. Все повторилось... Мы работали снаружи, настроение было подавленным, снежный холм на Сашиной могиле так и стоял перед глазами. Сначала появился один шар — прямо на Сашином холме, а минуту спустя — ещё два. На этот раз мы всё видели: шары возникли, будто сгустившись из воздуха, на высоте примерно сотни метров, и только тогда медленно опустились, повисели над землей и начали двигаться по каким-то сложным траекториям, приближаясь к нам. Андрей Скобелев снимал, а я замерял электромагнитные и спектральные характеристики — приборы заранее установили метрах в ста от машины. Кустов и Борисов стояли рядом с карабинами наизготовку. Они начали стрелять, едва только им показалось, что шары вытягиваются, превращаясь в «колбасу». Когда мы пришли в себя от шока, шаров уже не было, в воздухе стоял запах озона — будто после сильной грозы. А Кустов с Борисовым лежали на снегу. Мы сразу бросились к ним, думали, еще можно чем-то помочь. Потом обратили внимание на Скобелева, он стоял, прижав ладони к глазам, фотокамера лежала на льду метрах в пяти, он был жив, но ничего не помнил и ничего не видел. Он... это и сейчас страшно вспоминать... младенец. Ходил, извините, под себя. Не хотел жевать — только пил, расплескивая жидкость вокруг. Наверное, его нужно было кормить из соски, но, сами понимаете, сосок у нас не было, Кустова и Борисова мы даже не смогли похоронить — сил не было. Хотелось одного — смыться поскорее. А Скобелев все время хныкал и пускал слюни... На обратном пути он умер. В Мирном медики определили у него сердечную недостаточность и следы обморожения, но не очень сильного — во всяком случае не смертельного. В конце концов мы решили рассказать правду — слишком давило то, что произошло, К моему удивлению, нам поверили. Но ведь не было никаких убедительных доказательств. Отравлять новую экспедицию к полюсу не было никакой возможности — не позволяли ни программа исследований, ни отсутствие нужного оборудования. Насколько я понял, то же, что и с нами, произошло в 1962 году с американцами, Теперь вы понимаете, почему больше никто туда не стремится? Когда—нибудь, может, туда пойдут опять. Но не думаю, что это произойдет скоро, — слишком надежная требуется защита. Такая затея стоит миллионы долларов. Даже американцы вряд ли настолько богаты — они ведь сейчас, как известно, сворачивают свои антарктические станции. Основной интерес сегодня — так называемая озоновая дыра. Если бы не необходимость постоянного контроля за ней, вряд ли там вообще были бы сейчас люди.

Французский поход

Последней жертвой плазменных существ стал участник французской экспедиции 1991 года. Недалеко от Южного магнитного полюса французы устроили очередной «бивак». Вдруг из-за снежного холма выпорхнул огромный голубоватый шар. Оператор экспедиции Жак Валанс схватил видеокамеру и поспешил навстречу шару, торопясь получить сенсационные кадры огненного чудовища. Дальше все произошло почти так же, как с советским фотографом Городецким. Шар, размером с небольшой грузовик, начал менять форму, превращаясь в продолговатое змеевидное существо с огромной безглазой «мордой» и воронкообразной «пастью». Как завороченный, Жак Валанс двинулся вперед. Существо с жутким шипением вдруг поднялось вверх и спикировало на человека, на мгновение прикоснувшись к нему. Через несколько секунд чудовище, снова приняв форму шара, взмыло в небо и растворилось в воздухе. На снегу же дымилось почерневшее тело оператора.

Объяснение

Ульяновский учёный Борис Соломин предположил, что во Вселенной широко распространены магнитно-плазменные структуры. Когда на Солнце происходят вспышки, от него во все стороны со скоростью в несколько сотен километров в секунду разлетаются потоки плазмы и магнитно-плазменные образования — плазмойды. Достигая Земли, они, как правило, остаются в ионосфере. Радиационные пояса Земли — настоящий заповедник для всевозможных плазмойдов солнечного и даже галактического происхождения. Они могут обладать высокой степенью организации, проявлять некоторые признаки жизни и даже разумности. Плазмойды могут спускаться вдоль линий земного магнитного поля в низшие слои атмосферы, особенно в тех точках, где эти линии наиболее интенсивно пересекают поверхность Земли, — в районах магнитных полюсов. Встреча с ними сулит человеку гибель.

Читать ещё

- [Ваш пост огорчает негров](#)